

Именно Гамбург определил вклад Германии в современное искусство моды, подарив миру сразу три громких имени: Карл Лагерфельд (на котором держится знаменитая французская фирма "Шанель"), Жил Зандер и он - Вольфганг Йоп. Это не просто звучит громко. Это даже пишется с восклицанием - на пирамидальных коробках с духами, которые уже можно видеть и на наших прилавках: JOOP! (Наши "новые русские" ломают языки и головы над тем, как это правильно произносить: Джуп? Джоп?). Есть от чего воскликнуть, если духи полороже "Шанели". Но есть и от чего прийти в восторг.

В Гамбурге мне повезло - я стал его. Немецкие журналисты, чтобы взять у него интервью, преодолевают гораздо большие расстояния, летая в Нью-Йорк. Там Йоп живет сейчас, готовит и проводит грандиозные шоу с показом своих коллекций. Живет в роскошных апартаментах с садом-террасой на крыше. Этажом ниже, прямо под ним, жила Мерилин Монро. У нее была лишь крыша над головой. У него - звездное небо.

Он из тех, кто достает с неба звезды. Со скоростью кометы, за какие-нибудь десять лет, он вознесся в зенит мировой славы. За это журналисты окрестили его "человеком вертикального взлета". Солидные журналы пишут об "империи Йопа", о сотнях миллионов оборотного капитала.

Кем нужно быть журналисту, чтобы заполучить у него двухчасовую аудиенцию? Оказывается, просто человеком из России - страны, в которой он ни разу не был, но которая долгие годы вызывает у него любопытство. Его познания о нашей стране вызывают любопытство отнюдь не меньшее. Как-то в интервью Йоп заявил, что успех его джинсов в России поставлен в зависимость от того, насколько благопристойно будет восприниматься здесь на слух его фамилия.

Итак, господин Йоп, вы посвящены даже в самые деликатные сферы русского языка. Откуда такая осведомленность?

Я вырос в Потсдаме на крестьянском подворье в дворцовом парке Сан-Суси. Во времена ГДР. Наша семья после войны переехала на запад Германии не сразу. Случилось - и довольно часто - тайком пить водку с вашими солдатами. Я тогда многие слова схватывал на лету. Разные, кстати. Сейчас со мной в Нью-Йорке работают сразу четыре модели из Москвы. Достаточно порой сказать им по-русски: "Дружба!", чтобы привести их в превосходное расположение духа.

В вашем знании прекрасных образцов русской словесности сомневаться не приходится. Свое публичное объяснение в любви двадцати семи самым красивым женщинам Германии на страницах "Бунте" вы начали с цитаты из Достоевского... То есть точки соприкосновения с русской духовностью существуют?

Я знал русских людей. И должен сказать, что восточный менталитет ближе моему сердцу, чем западный. В нем есть готовность жертвовать, делиться с другими. Вместе с сердечностью, человеческой открытостью, гостеприимством русских это рождало во мне какое-то ощущение счастья, которого я позже не испытывал на Западе. Особенно в таком меркантильном городе, как Гамбург.

Вас, профессор Йоп, пригласили преподавать дизайн в московском текстильном вузе...

И, к сожалению, я не смог принять приглашения. Не могу разорваться. Каждые полгода я делаю только эскизов туфель до 600. Только поясов - сотню. До ста эскизов мужских вязаных изделий. Двести - триста дамских моделей... У меня ежегодно четыре шоу в Нью-Йорке. Я должен думать о моделях, о многом-многом другом... И у каждого человека в моем окружении всегда есть идея насчет того, что я еще должен сделать. Но у меня для жизни всего 24 часа в сутки... И я уже два года не мог позволить себе уехать в отпуск.

Давайте бросим взгляд совсем в другую сторону, куда, собственно, и обращены ваши сегодняшние помыслы. Вы переселились в Америку. С чем это связано?

В Германии нет города, который бы мог стать центром моды. Нет культурной столицы. У нас все децентрализовано. У Америки есть Нью-Йорк, у Франции - Париж, у Италии - Милан... У Гер-

мании был когда-то Берлин. Но еврейские структуры - а мода до войны в Берлине была их прерогативой, так же, как сейчас в Нью-Йорке, - были уничтожены нацистами. Должно смениться немало поколений, прежде чем утраченное удастся восстановить.

Даже после войны, в 50-е годы, в Берлине существовала своя "от кутюр". Но она не пережила перехода на промышленные рельсы. Ведь в Германии в то время поощрялось прежде всего разви-

Чтобы создать духи, вовсе обязательно быть химиком. Вы знаете, как делаются духи? Вы идете к парфюмеру, к специалисту по запахам, и рассказываете ему историю. К примеру, в моих духах "Femme" - это уже классика фирмы "Йоп" - я мечтал воссоздать аромат эпохи рококо, атмосферу Сан-Суси XVIII века... Я как бы шел по двору и видел дам и кавалеров, играющих в его замках в прятки. Затем все выходило в парк, где устраивается пикник.

шины-дизайнера: я нашла свой стиль. Он означает: очень качественно, очень дорого и очень по-немецки. Собственно говоря, она выработала именно немецкий стиль. Не мне судить, хорошо это или плохо. Этот стиль принимают и в Германии, и в Америке. И это большое достижение. Но я попытался выразить в своей моде немца, который мало знаком миру. Это не тот немец, который глянцевитно рвется к власти. Это человек, которого переполняют

до, много ли вы себя истязаете? - Ничуть. Хотя живу интенсивно. Курю. Пью, если есть повод. Ем то, что хочу. Никаких диет. Спортот почти не занимаюсь. Я благодарен своим г-нам.

- Когда вы занимаетесь мужской модой, каким вы себе представляете человека, для которого делаете эскизы?

- Этот человек я сам. Классическую тему "художник и модель" в данном случае можно интерпретировать как "художник и зеркало". Можете считать это нарциссизмом. Но, понимаете ли, заниматься модой - все равно, что писать роман. Я не могу писать о вещах и людях, которых я не знаю. А поскольку я лучше всего знаком с самим собой, то и делаю моду для себя.

- Лючано Паваротти не очень-то похож на вас. Журналисты до сих пор гадают, сколько метров материала пошло на смокинг, который он у вас заказал.

- Случай с Паваротти - исключение. Я сделал эскиз для него забавы ради. Он просто очень хотел иметь брюки без карманов, которые, оттопыриваясь, несколько портят его фигуру.

- И даже если ваш друг Борис Беккер попросит вас сделать что-нибудь специально для него, вы откажетесь?

- Он будет довольствоваться тем, что у меня есть.

- Свой стиль вы определили однажды двумя словами: строгость и фривольность. Гармония невозможного?

- Я люблю контрасты. Они создают напряжение образа. Мне, к примеру, в 70-е годы очень нравился Ив Сен-Лоран. Он одевал женщин в мужские пиджаки, под которыми можно было видеть одеяния, которые носили тогда разве что шлюхи. Это было очень интересное сопряжение женственности с мужским началом. Оно всегда очаровывает. При этом и мужское, и женское начала не сливаются, не уничтожают друг друга. Я против того, чтобы пол растворялся в образе. Я нахожу это ужасным.

- Не так давно вы заявили, что наконец-то наступает время, когда шикарным становится нешикарное. Что же сегодня шикарно с точки зрения Вольфганга Йопа?

- Мода предлагает сегодня все. Важно путем самопознания определить то, что тебе нравится. Мне лично нравятся биполярные вещи. К примеру, старая кожаная куртка поверх вечернего платья. Или, скажем, черный костюм с белой футболкой. Или джинсы, которые сидят так, как будто на один номер велики - с узким ремешком. Или классический пуловер с вязаной курткой. Или мужской пиджак на дамских плечах. Но, повторяю, все это - лишь мои предпочтения.

- Доводится ли вам спорить о вкусах?

- Это довольно скучное занятие. Мы должны признать субъективность вкуса каждого. Но все-таки хороший вкус можно воспитывать. Этот процесс для меня сходен с обычным образованием. Как только мы постигли, что такое хороший вкус и где его рамки, то можем позволить себе порой их переступить. Все время держать себя в пределах правил хорошего вкуса - это же тюрьма. Стиль - это тоже тюрьма. Из клетки надо иногда вырваться.

- "Что вы считаете самым прекрасным в себе?" - спросили вас как-то журналисты. И вы ответили: "Мою беспричинную радостную улыбку". У вас нет оснований для радости?

- Есть. Но я улыбаюсь и тогда, когда другие этого меньше всего ждут. Это, знаете ли, моя тренировка на выживание.

Беседу вел Сергей МАСЛОВ. (Наш спец. корр.). Гамбург - Москва.

Комм. правда, - 1995, - 5 июня, - с. 6.

В мире моды существует свой «Оскар» - премия «Золотая нить». Наш собеседник - ее лауреат. Всезнающий журнал «Плейбой» включил его в тройку самых известных в Америке немцев - вместе с суперзвездами тенниса Борисом Беккером и Штеффи Граф. Мы не знаем о нем практически ничего. Быть может, прав был поэт: мы, русские, ленивы и нелюбопытны? Наш корреспондент отправился в Гамбург, чтобы доказать обратное

тие промышленности, а не ремесла, без которого мода немислива.

Во Франции до сих пор существуют мелкие семейные предприятия, которые производят только нечто единственное в своем роде. Сидят там, к примеру, женщины и крутят из материи розы. Если же такая роза потребуется мне здесь, в Германии, то я просто не знаю, к кому обратиться. А в Нью-Йорке - знаю. Там весь Чайна-таун - китайский квартал - занят рукоделием. Это изысканнейшая ручная работа.

- Тем не менее бросается в глаза, что немцы, скажем, в Берлине, уделяют гораздо больше внимания одежде, чем французы в Париже.

- Вы абсолютно правы. Моды на улицах Парижа не видно. Ее нет совсем. И в Милане та же картина. Миланцы вообще очень консервативны в одежде. Норковое манто, костюм цвета морской волны с коричневыми туфлями - это есть в гардеробе почти каждой миланской семьи. В данном смысле Германия действительно самая модная страна.

- В мире моды почти каждый дизайнер мечтает о духах, которые носили бы его имя. Это что - вопрос престижа?

- Мир запахов - это особая галлактика, существующая по собственным законам. Не все в ней так скоротечно, мимолетно, сиюминутно, как в моде. Моя первая собственная фирма не имела отношения к разработке моделей одежды. Это как раз была фирма "Парфюм Йоп". Я основал ее во Франции.

Опускаются сумерки, наполненные запахом жасмина и роз. Воздух пропитан искушением. И только я - не парфюмер - могу определить, созвучна ли в конечном итоге его композиция моей истории.

Окрыленный успехом "Femme", я решил создать мужские духи - "Homme". И перенес мысли совсем в другую эпоху. Я задумался над тем, как воспринимает женщина современного мужчину? Мне было с кем посоветоваться по этому поводу - с моими двумя дочерьми. Мужчины сейчас - это уже не хозяин, не добытчик. И женщина стала смотреть на него так же, как и он на нее прежде. Он для женщины - развлечение, сексуальный объект.

Он должен манить к себе, пробуждать аппетит. Он - плод, который очень хотелось бы надкусить... И потому, создавая "Homme", я впервые смешал фруктовые запахи с пряностями.

До этого в мужской парфюмерии позволялись лишь три главных компонента: хвоя, табак и кожа. Растущий спрос на духи "Homme" убеждает меня, что характер мужчины 90-х годов нашего века, его суть, его тип я угадал верно.

- Осталось ли что-нибудь от вашей былой влюбленности в Жил Зандер? И что разрушило ваши отношения?

- Жил Зандер сегодня совершенно непохож на ту женщину, с которой я познакомился когда-то очень давно. Это совершенно другой человек. В своей моде она проповедует минимализм, то есть лаконичность и самоограничение. Но в жизни она, напротив, хочет как можно больше иметь... Я человек другого склада. Я очень богат, но много особняков, много машин - это не для меня. Странствовать по жизни куда легче с маленьким багажом. Слишком тяжелый чемодан способен отравить впечатление от любого путешествия.

Собственность значит власть. Жил Зандер хочет власти и еще раз власти. Но для меня это не ключик к счастью.

- Жил Зандер, Карл Лагерфельд и вы - все из Гамбурга...

- Только разница между нами состоит в том, что Карл Лагерфельд и я делаем все свои эскизы собственноручно. Жил Зандер не умеет рисовать. Сама она ничего не создает. Дизайнеров она нанимает.

- Говорят, обмен колостями, подобными этим, имеет место также между вами и Лагерфельдом.

- Карл Лагерфельд гениален. Никто и ничто не заставит меня начать войну с ним, потому что я ее проиграю. Он очень образован, очень быстр в работе, обладает огромным творческим потенциалом и способностью к самообновлению. Вот этой-то способности как раз и недостает Жил Зандер. Ее оправдание типично для жен-

чувства. Эмоция - вот мое послание миру.

- Вас никогда не тянуло в Париж?

- Шоу в Париже не каждый может вынести. Четырнадцать дней подряд смотреть этот цирк вокруг моды... После этого пропадает всякое желание ею заниматься. Во всем этом есть нечто, вызывающее улыбку. Как бы серьезно я ни относился к своей работе, я всегда отдаю себе отчет в том, что есть проблемы посерьезнее, чем длина юбок. Париж же теряет чувство реальности. Мода для него важна до неестественности.

Париж я нахожу прекрасным в шесть часов утра из окна такси - когда он пуст. Другим я его не люблю.

- Вы восхищаетесь Карлом Лагерфельдом и в то же время заявляете, что не хотели бы, чтобы ваши работы выглядели "шанельно".

- Я не хотел бы, чтобы мои работы походили на торг с кремовыми розочками. В стиле "Шанели" слишком много украшательства. А лучшее украшение человека - его лицо и его тело. Это, кстати, давно поняли в Америке. Если у человека все в порядке с внешностью, она не требует навязчивого декора.

- Вы не завидуете Карлу Лагерфельду из-за того, что в его команде работает Клаудия Шиффер?

- Клаудия Шиффер - это посредственность в ее совершенстве. Это суперклише. Это Брижит Бардо без прехопаления. То есть это нечто, что уже было. Разница состоит в том, что Б.Б. стала женщиной-революцией. Она была секс-символом эпохи, вызовом домохозяйкам, оплеухой "звездам" Голливуда. Клаудия Шиффер - это буржуазная мечта: аккуратность, прилежание, опрятность.

- Что должно случиться с Клаудией Шиффер, чтобы вы могли представить ее в своей команде? Грехопадение?

- Это ей не грозит.

- С Карлом Лагерфельдом работает другая суперзвезда - Надя Ауэрман...

- Это не его, а моя суперзвезда! Она работает со мной и главным образом со мной. Представляет мою моду, мои духи. Это мой тип женщины. Это тайна. Это женщина-хамелеон. Почти актриса. Разгадать ее, расшифровать, постигнуть куда сложнее, чем Клаудию Шиффер.

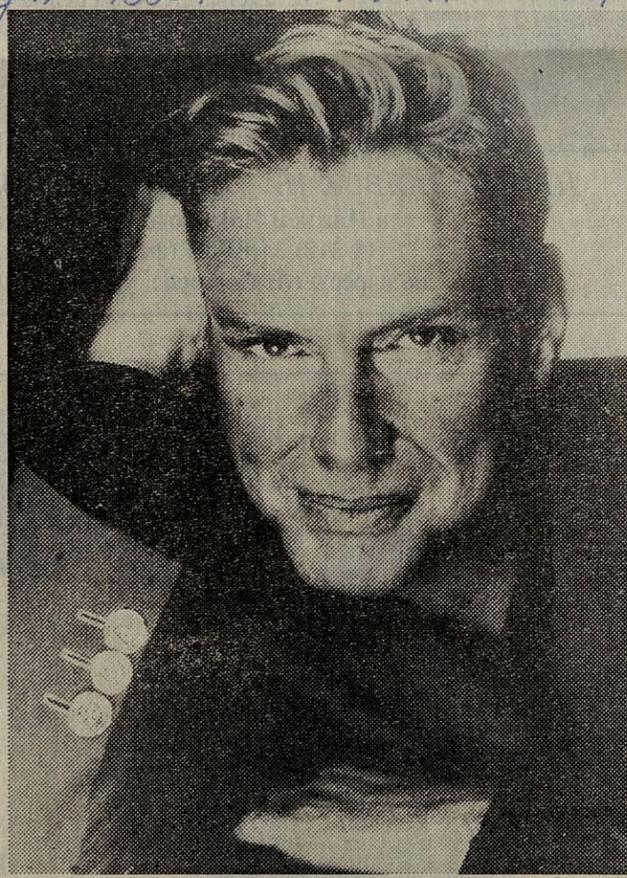
- Вы и сами в свои 50, которых вам никто не дает, стоите дюжины супермоделей.

- Спасибо за комплимент. Надеюсь, вы его запомните.

- Как бы там ни было, ваш успех неизменно связывают в том числе и с вашей внешностью. Как вы сами думаете: если бы вы были Квазимодо, у вас было бы меньше шансов?

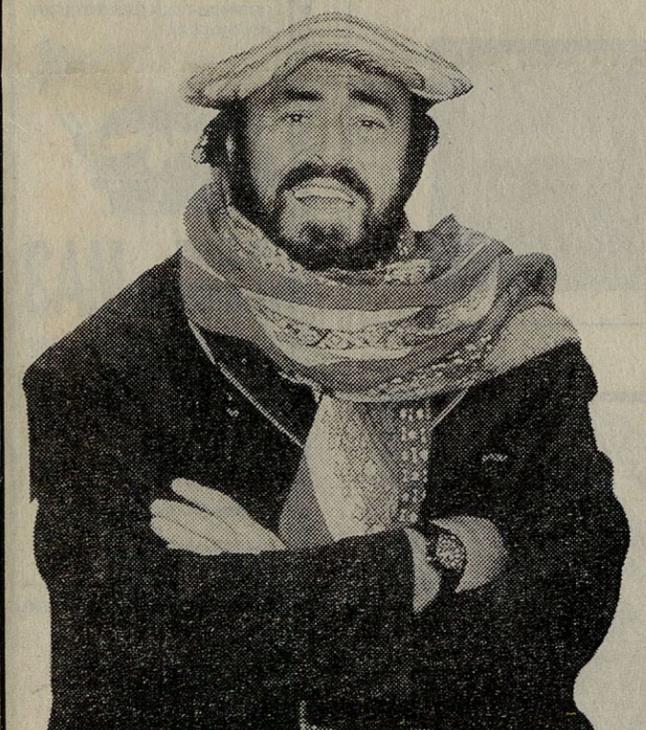
- Это была бы уже другая экстрема. Но это было бы лучше, чем если бы я имел малопримечательную, посредственную внешность.

- Чтобы выглядеть так моло-

Вольфганг Йоп, человек вертикального взлета.

Фото Альберта УОТСОНА.

Человек - гора. Нужно быть Лючано Паваротти, чтобы уговорить Йопа выполнить индивидуальный заказ на смокинг. Фото из журнала "Бунте".

Женщина - хамелеон. Нужно обладать даром перевоплощения Нади Ауэрман (затмившей в минувшем году на обложках журналов мод супермодель Клаудию Шиффер), чтобы работать вместе с Йопом. Фото из журнала "Бунте".